

Татьяна Егорова

АНДРЕЙ МИРОНОВ И

роман-исповедь.
7-е издание,
исправленное
и дополненное

Москва
2020

УДК 792.071.1(092)(470)
ББК 85.334.3(2)6-8
Е30

Фотография Андрея Миронова на обложке:
Георгий Тер-Ованесов / Russian Look

Художественное оформление обложки *Анны Рысухиной*

Фотографии, использованные в оформлении книги,
предоставлены автором из семейного архива

В оформлении писем использовано изображение:
Roman Samokhin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Егорова, Татьяна Николаевна.

Е30 Андрей Миронов и я : роман-исповедь / Татьяна Егорова. — 7-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с.

ISBN 978-5-04-111548-7

Татьяна Егорова — актриса театра и кино, журналистка и писательница. В своей автобиографической драме Татьяна Николаевна делится историей непростых взаимоотношений с кумиром миллионов — актером Андреем Мироновым.

Это откровенный роман о любви, о времени, о театре. О любви страстной, романтической и выстраданной. Татьяна Егорова выразительно передала атмосферу театра с его бесконечными интригами, фальшивыми улыбками, завистью, борьбой за лучшие роли и место под софитом. В этой книге вы встретитесь с личностями яркими и неординарными, которых судьба ставила в сложные, порой неоднозначные ситуации. Татьяна Егорова дополнила книгу комментариями, которые написаны с полным доверием к читателю. Вы держите в руках воспоминания, ставшие бестселлером...

УДК 792.071.1(092)(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

© Егорова Т., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111548-7

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ

АНДРЕЙ МИРОНОВ
ТАТЬЯНА ЕГОРОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Акробатка – Нина Корниенко
Антурия – Людмила Максакова
Балерина – Майя Плисецкая
Бодя – Владимир Долинский
Ворон – Михаил Воронцов
Галоша – Татьяна Васильева
Директор – Александр Левинский
Драматург – Эдвард Радзинский
Жора – Георгий Мартиросян
Жорик – Георгий Менглет
Зеленоглазая Зина – Зинаида Плучек
Инженю – Наталья Защипина
Клара – Маргарита Микаэляна
Корнишон – Михаил Державин
Магистр – Марк Захаров
Певунья – Лариса Голубкина
Пепита – Наталья Селезнева
Пудель – Павел Пашков, муж Лили
Шараповой

Русалка – Екатерина Градова
Сатирики – Аркадий Арканов и Григорий
Горин
Синеглазка – Наталья Фатеева
Спартак – Спартак Мишулин
Стукачка – Регина Быкова
Субтильная – Лиля Шарапова
Сценарист – Александр Шлепянов
Травести – Броня Захарова
Толич – Анатолий Папанов
Ушка – Владимир Ушаков, муж Веры
Васильевой
Цыпочка – Вера Васильева
Чек – Валентин Плучек
Червяк – Александр Червинский
Шармёр – Александр Ширвиндт
Энгельс – Игорь Кваша

ПРЕДИСЛОВИЕ

Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

Вы держите в руках роман-бестселлер. В нем живут и действуют очень знакомые вам актеры, режиссеры, художники. Занятое дело — узнать их поближе, познакомиться с их страстями, кого-то полюбить, в ком-то разочароваться. Но самым большим открытием станет для вас знакомство с автором, главной героиней романа, любимой женщиной Андрея Миронова Татьяной Егоровой.

В это августовское утро шел дождь. По аллее Ваганьковского погоста тянулась вереница зонтов: ярких — женских, черных — мужских. Почти тридцать лет назад здесь под знакомую хрипотцу «коней привередливых» страна прощалась с Владимиром Высоцким. Сейчас на самом краю асфальта под деревянным крестом стоит портрет Александра Абдулова. Сегодня 16 августа 2008 года. Ровно 21 год назад, в такой же дождливый день, Ваганьково приняло в свою бесконечность третьего в этой великой тройке: Андрея Миронова. Таких кумиров, как эти трое, больше нет. Остались их песни и роли. Прийти сегодня к Андрею Миронову побудило жгущее душу — прочитанная о нем книга.

Андрей Миронов — миф, легенда, огненный фейерверк, который доселе не сгорает, не умирает в небе нашей культуры. Андрей Миронов был жгуче, обильно окружен друзьями, поклонниками, ненавистниками — и все они хотели поймать, схватить хоть перышко от его Славы, от его летучего гения...

И все они тянули его на землю, в суету... И только Татьяна Егорова и Его чувство к ней давали им силу полета над мусором и грязью жизни. Потому и заполнены сегодня цветами вечные кулисы его памятника «Андрей Миронов и я» — в современной литературе равных этому гениальному документальному роману нет!

Книга не просто волнует, она ошеломляет. Читать ее и страшно, и весело. И, закрыв последнюю страницу книги, на глазах твоих слезы, и все существо твое томится ожиданием и жаждой любви. Роман, вышедший из-под пера Татьяны Егоровой, реанимирует любовь как высокое духовное чувство. «Как далеко мы ушли в обратную сторону от библейских мужчины и женщины — «Авраам познал Сару». Они познали друг друга. Любовь была актом творчества и познания», — пишет автор. Именно такой любовью, как величайшим божьим даром, отмечены в романе его герои — Татьяна и Андрей. Талантливой актрисе Егоровой посчастливилось жить в ярчайшие 70-е. Фейерверк советского театра в его зените. Бурные премьеры. И каждая премьера — событие. За один только спектакль «Доходное место» можно было бы вписать имена Марка Захарова, Андрея Миронова, Анатолия Папанова и Татьяны Егоровой в золотую книгу российской театральной истории. Спектакль, вошедший в список 100 лучших постановок XX века. И вот что писал любимой актрисе великий режиссер: «Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна! Позвольте вас поблагодарить за участие в спектакле и высокие показатели в работе. Остаюсь верный ваш режиссер Марк Захаров».

Читая книгу, порой ловишь себя на мысли, что более полной и правдивой энциклопедии нашей эпохи пока не написано. Потрясающее умение автора одной упругой, емкой, словно аккумулятор, строкой выразить то, на что иные литераторы затрачивают десятки страниц! У Татьяны Егоровой великие учителя — Николай Лесков, Иван Бунин, Владимир Набоков, и поэтому книга «Андрей Миронов и я» с профессиональным блеском, прекрасно выстроена. Каждая глава — законченная сюжетная или лирическая миниатюра.

Диалоги персонажей заразительны, реплики убийственно точны. В романе шумит, тусуется, празднует актерская братия. Егорова — бескомпромиссный полемист. Ее действительно голыми руками не возьмешь, сожрать ее хищникам не удастся: «Я несъедобная!»

Как-то у мудреца спросили: «Что такое любовь? И что такое секс?», и мудрец ответил: «Любовь — это фосфорическая рыба, плывущая, летящая в глубинах необъятного океана! Кто знает путь рыбы? Только Господь! А секс — это та же рыба, бьющаяся в масле на сковороде... и все знают пути этой жареной рыбы...» Роман Татьяны Егоровой — это таинственная, фосфорическая рыба в неоглядном океане бытия...

Человеческие страсти такого накала мировой литературе, разумеется, известны, и каждый из нас прежде всего вспомнит шекспировских Ромео и Джульетту. Но представьте себе, что «Ромео и Джульетту» написал не Шекспир, а сама Джульетта! Шекспировская Джульетта приняла яд во имя авторской Истины. Татьяна Егорова после выхода своей книги «принимает яд» многие годы... Но Джульетта погибает, а Татьяна вырабатывает иммунитет. И сюжет этот вечен. И автор вступает в великую схватку за территорию Любви. Поэтому в книге нет стыдливого ханжества и, к сожалению узаконенной ныне, пошлости. На ее страницах извечно поселилась не бытовая месть, но возмездие! Возмездие за поруганную любовь! Открывая книгу, ты становишься соучастником исповеди женщины, наделенной великим талантом: помочь людям познать одно из самых важных открытий Истины. *Quid est veritas?* Что есть Истина? Истина есть Любовь!

Автор открыл в русской литературе новый жанр — исповедальная проза. Мастер наделен тонким юмором, виртуозно владеет литературным озорством, легко выстраивает аналитические пассажи. Ее исповедь зацепила и напугала многих современников, исповедь своей обнаженной откровенностью и правдой вызвала ураган восторженных и яростных реакций. Как вдруг разрушился миф о театре! И оказалось — Мельпомена в ужасе давно сбежала из стен Театра сатиры, не в силах пере-

нести вульгарных щипков за зад и похотливых подглядываний под край своей туники.

Талантливая молодая актриса Татьяна Егорова покинула обитель Мельпомены сразу после смерти Андрея. Она покинула театр, чтобы через десятилетия вновь в него вернуться, но уже талантливым писателем, автором не только романов, но и десятка пьес, успешно идущих на театральных подмостках страны.

Сильнейшая часть книги — глава «Десять лет с Марией Владимировной». Могучий характер! Без этого персонажа немыслим и роман, в основе которого лежит необычный психологический треугольник — Андрей, Татьяна и мать Андрея. Этот по-советски «эдипов комплекс» железной преградой встал на пути Любви. Смерть Андрея примирила Татьяну с Марией Мироновой. И происходит чудо — подлинная любовь к Андрею бросает их друг к другу и помогает им спастись! Эти страницы невозможно читать без волнения. Финальная сцена романа после смерти Марии Мироновой потрясает: «Приехав после сорокового дня в дом, открыла дверь, вошла и выла так, что думала, меня разорвет на части от рыданий. Открывала шкафы, засовывала туда голову и вдыхала уже улетающий запах — Андрюши, Марьи и всей моей прожитой с ними жизни». Так просто, до такой пронзительной боли, казалось бы, описать трагедию и счастье всей жизни невозможно... Но Татьяне Егоровой удалось!

И Господь вознаграждает ее блистательной книгой — настоящим бестселлером!

Сергей Шелехов

Часть I

*Перо
Жар-птицы*

Мария Миронова:

– Таня, что это я у вас на карандаше? Почему вы все за мной записываете?

– Перлы, перлы записываю, чтобы не забыть, а то все улечивается!

– А зачем вам это?

– Произведение буду писать.

– О чем?

– О жизни.

– А что вы там напишете?

– Правду!

– Тогда уж пишите обо всех!

Глава 1

РЕПЕТИЦИЯ ЛЮБВИ

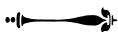
«Егорова, Егорова... Татьяна Егорова... приготовьтесь — ваш выход... Татьяна Егорова... ваш выход... на сцену с Андреем Мироновым. Не опоздайте», — произнесла Судьба голосом помощника режиссера Елизаветы Абрамовны Забелиной по трансляции. Я не вздрогнула. Динамик висел наверху в углу гримерной. Посмотрела на него и загадочно улыбнулась. В последний раз оценив себя в зеркале, резко встала, вышла из гримерной и смело пошла по коридору в сторону сцены.

Это произошло на гастроях в Риге 5 июля 1966 года в спектакле «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Андрей Миронов играл Холдена Колфилда, а меня, неделю назад покинувшую стены Щукинского театрального училища, за два часа до начала действия — в театре случилось ЧП — ввел своей талантливой рукой режиссер Шатрин. В роль Салли Хейс.

Коридор, по которому я шла, был длинный и темный. Текст я знаю наизубок, выгляжу прелестно, глаза блестят, и мне очень идет «американское» пальто с капюшоном, отороченным пышным белым песцом. И белые перчатки, и ноги, и каблук...

Подошла тихо к кулисе и встала как вкопанная. На освещенной сцене — Холден—Андрей... совсем рядом.

— Алло, Салли Хейс, пожалуйста... Это ты, Салли? Как живешь? Ты не могла бы сейчас повидаться со мной? — умолял меня со сцены Холден Колфилд и Андрей Миронов. Именно меня, а не Салли Хейс. Салли была уже ни при чем.

За два часа до спектакля, на репетиции, мы впервые познакомились. Репетировали нашу сцену. Обстановка деловая — мой срочный ввод, обязательное знание текста, траектория роли, атмосфера, состояние, действие. Артисты, играющие в этом спектакле, репетировали год, а я должна была все усвоить за два часа. Режиссер Шатрин был неожиданно ласков и в мягкой и игривой манере ввинтил в меня суть моей роли. Как положено по сцене в спектакле, мы сидим на скамейке с Андреем — он уже в десятый раз проговаривает свой текст, я — свой.

— До начала спектакля час. Думаю, все пройдет хорошо, — сказал Шатрин, давая понять, что репетиция окончена. Посмотрел на нас.

Мы сидим и не двигаемся, прижавшись друг к другу.

— До вечера! — опять откуда-то донесся его голос. А мы сидим на скамейке, прижавшись друг к другу, и не двигаемся.

— Ну, пока... — сказал режиссер, уходя.

Вдруг повернулся — мы сидим на скамейке, прижавшись друг к другу, и не двигаемся! Смотрим на него в четыре глаза. Он на нас в два и внезапно весь озарился улыбкой. По его лицу мы прочли все, что не осознали еще сами. Смутившись, встали, деловито поблагодарили друг друга, простились до вечера, до свидания на сцене. И разошлись.

Я все еще стою в кулисе. Внезапно на подмостках погас свет. Начались перестановки для следующей картины. Через минуту мой первый выход на профессиональную сцену. Машинально плотнее натягиваю белые перчатки. В сознании — шлейф вдохновения после репетиции, нетерпение — скорей, скорей к нему, с которым знакома всего два часа, и как еж под череп — мысль: почему мое первое свидание с ним, которое так перевернет всю нашу жизнь, должно состояться именно на сцене? На сцене театра оперы и балета в Риге? Почему?

— Иди! — громким шепотом опять сказала Судьба голосом Елизаветы Абрамовны Забелиной. И толкнула меня в спину.

Я как будто выпала из темного небытия в свет и наткнулась на одержимого американского мальчика в красной кепке с большим козырьком, с глазами цвета синьки. Холден бросился мне навстречу: «Салли, как хорошо, что ты пришла! Ты великолепна, Салли... Если б ты знала, как я ждал тебя!»

Он был так возбужден, что последнюю фразу повторил три раза, давая мне понять, что ждал не Салли Хейс, не актрису, исполняющую роль Салли, а меня, существо, которое ему вдруг стало близким и необходимым.

— Салли, Салли, я влюблен в тебя как ненормальный! — упорно повторял он, несколько раз до боли сжав мою руку. Это было уже совсем не по пьесе.

Тут я должна была встать — он меня не отпускал.

— Салли, Салли, ты единственное, из-за чего я торчу здесь! — Сколько скорби было в его голосе, скорби, которая таилась где-то глубоко внутри.

И вот конец сцены, моя реплика:

— Скажи наконец, что ты хочешь?

— Вот какая у меня мысль... У меня есть немного денег. Будем жить где-нибудь у ручья... Я сам буду рубить дрова. А потом когда-нибудь мы с тобой поженимся. И будет все как надо. Ты поедешь со мной? Ты поедешь?

«Куда угодно, закрыв глаза, за тридевять земель», — молнией пронеслось в моем сознании, а Салли Хейс ответила:

— Да как же можно, мы с тобой, в сущности, еще дети!

Это по пьесе, а в жизни мы были в самом зените расцвета. Ему было 25, а мне 22 года.

— Ты поедешь со мной? — умоляюще спросил Холден и уткнулся головой в мою грудь.

...Через двадцать один год на этой же сцене за кулисами он будет умирать на моих руках, бормоча в бессознании: «Голова... голова...» И, в последний раз закинув голову, голову,

в которой беспощадно рвался сосуд, увидит мое лицо и два глаза, в которых мольба о любви, о спасении его, меня, нас всех. Увидит, запечатлеет и возьмет меня с собой. А здесь, на земле, останется совсем другая «Танечка». Она покинет театр, построит дом, станет жить у ручья и рубить дрова. Все, как он просил.

Ах, Сэлинджер, Сэлинджер, как вы врезались в нашу жизнь!

Наше свидание в Централ-парке кончалось конфликтом.

— И вообще, катись ты, знаешь куда... — чуть не плакал Холден.

— Ни один мальчик за всю мою жизнь так со мной не обращался. Оставь меня! — отчеканила я.

Конец сцены, мне надо уходить, а я стою, как в сказочном саду с Жар-птицей, осиянная волшебным ее светом. Очнулась от аплодисментов, как от пощечины. И так не хотелось покидать сцену и... Холдена. За кулисами артисты, реквизиторы, рабочие сцены поздравляли с первой ролью, с удачей, со «сногшибательным» вводом в спектакль. Приближается финал. Холден на сцене кричит, как будто рыдает: «Я буду ждать тебя в парке у пруда, где плавают утки!» И еще больше:

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь,
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь,
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи.

«Господи, это же мои любимые стихи, Бернс, — думаю я. — «Дженни вымокла до нитки...»

Конец спектакля. Аплодисменты. Занавес. Улыбаясь, обращаюсь ко всем артистам: если кто хочет, заходите к нам в

номер в гостиницу «Саулите». Отметим немножко. А что отметим, думаю я... Роль? Первую роль? Успех? Нет. Духовное потрясение, которое мы с ним сегодня испытали, таинственную и почему-то горькую близость и уже обреченную невозможность находиться друг без друга всю оставшуюся жизнь.

Через двадцать пять лет в Нью-Йорке буду бродить по окраинам Централ-парка, искать пруд, где плавают утки, где мы так нечаянно влюбились друг в друга в минуты нашей первой встречи.

Глава 2

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

В номере на четвертом этаже гостиницы «Саулите» толпились артисты. Гостиница была третьего разряда — на этаже общий туалет, душ и телефон. В моей комнате, окна которой выходили в каменную серую кишку, называемую двором, где круглые сутки орала кошки, как подарок судьбы торчала в стене облупленная старая раковина с краном, из которого текла только холодная вода.

Наташа... мы были едва знакомы. Она закончила вечернее отделение нашего училища, волею судьбы неделю назад, как и я, оказалась в Театре сатиры и моей соседкой по номеру. Жена Льва Круглого, известного эфросовского артиста. За четыре года учебы мы встречались на лестнице, в коридорах, в буфете, и она всегда привлекала к себе внимание — плоская фигура, на редкость со вкусом одета, с нестандартным лицом и занятным вытянутым носом. Она очень ярко играла в выпускном спектакле по пьесе Леонида Андреева «Дни нашей жизни» и надрывно и смешно пела романс «Когда всему конец...».

Рига поразила нас своей чистотой и готической романтикой северной архитектуры. Это был наш первый выезд на Запад. Первая встреча с Балтийским морем. Рынок удивил изобилием цветов и круглыми аквариумами для рыб, в кото-